

Инькова Екатерина Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Нижний Новгород, Россия
katyainkova@yandex.ru
Научный руководитель – Л. Ю. Большухин, ст. преп.

«ОНЕГИНСКИЙ МИФ» В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «О ЛЮБВИ»

Ключевые слова: онегинский миф, рецепция, Чехов, Белинский, Достоевский.

Роман в стихах «Евгений Онегин» служит для Чехова своего рода образцом постановки проблемы в художественном произведении. Традиция, восходящая к этому произведению, в творчестве Чехова подвергается переосмыслению в одном из его рассказов «О любви». Чехов подключается к «онегинскому мифу». Автор испытывает этот миф на другом жизненном материале и на другом типе героя.

Inkova Ekaterina

National Research University
“Higher School of Economics” (NRU HSE),
Nizhny Novgorod, Russia

«THE MYTH OF ONEGIN» IN THE STORY «ABOUT LOVE» BY A. CHEKOV

Keywords: the myth of Onegin, reception, Chekhov, Belinsky, Dostoevsky.

The novel in verse «Eugene Onegin» is in its own way an example of posing the problem of a work of fiction for Chekhov. The tradition that goes back to it is rethought in Chekhov's story «About Love». Chekhov connects to the «myth of Onegin». The author tests this myth on other vital material and on a different character type.

Первым об «онегинском мифе» заговорил В. А. Кошелев, под-
разумевая любое переосмысление традиций пушкинского романа
в творчестве Чехова. В работе «Онегинский “миф” в творчестве
Чехова» он пишет, что писателя интересует сам феномен «литературной
мифологизации», в границах которого поведение персонажей
оказывается этой мифологизации подчинено» [Кошелев, 1998,
с. 151].

Эпоха Чехова — это время, когда пушкинское творчество вызывает особый интерес со стороны критиков и писателей. Возникает необходимость нового прочтения его произведений, они, в свою очередь, обрастают новыми значениями. Восприятие Пушкина Чеховым складывалось на пересечении концепций, созданных В. Г. Белинским и Ф. М. Достоевским. Нельзя не учитывать их опыт прочтения романа «Евгений Онегин», потому что именно он положил начало традиции переосмысления нравственного смысла поступка Татьяны, положил начало формированию «онегинского мифа» в русской культуре.

Опираясь на работу В. Г. Белинского «Сочинения А. Пушкина. Статья девятая» и очерк «Пушкин» Ф. М. Достоевского, можно утверждать, что поступок Татьяны в разные временные промежутки воспринимали неодинаково. Так, Белинский говорит о том, что Татьяна страдает, любя одного, будучи с другим. Но она не может поступить иначе, это противоречит общественной морали, «женщина поступает безнравственно, принадлежа вдруг двум мужчинам, одного любя, а другого, обманывая: против этой истины не может быть никакого спора» [Белинский, 1955, с. 501]. По-другому интерпретирует ее поступок Достоевский. Он объясняет такой выбор Татьяны невозможностью русского человека «основать счастье на несчастье другого» [Достоевский, 1984, с. 142].

Механизм реализации «онегинского мифа» в рассказе Чехова

В рассказе «О любви» автор предлагает свою историю, в основе которой лежит мифологизация «Евгения Онегина». Чехов трансформирует образы пушкинских героев, акцентируя внимание на их взаимоотношениях. При работе был использован опыт параллельного чтения, который позволил увидеть большое количество сходных деталей, мотивов, сюжетных ситуаций.

Главных героев — Алехина и Онегина — объединяет то, что оба они вынуждены приехать в имение для решения бытовых вопросов, но потом герои решают остаться и начинают работать, каждый по-своему. Ср.: «Я решил так и начал тут работать, признаюсь, не без некоторого отвращения» [Чехов, 1977, с. 67] и «Сперва задумал наш Евгений / Порядок новый учредить. / В своей глуши мудрец пустынный, / Ярем он барщины старинной / Оброком легким заменил...» [Пушкин, 1978, с. 32]. Еще одной важной чертой является наличие долгов у их отцов. Ср.: «...на имении, когда я приехал сюда,

был **большой долг...**» и «Служив отлично благородно, / Долгами жил его отец, / давал три бала ежегодно / И промотался наконец» [Пушкин, с. 9]. Вскоре герои начали тосковать по прошлой жизни, которую оставили. Ср.: «Когда поживешь здесь безвыездно месяца два-три, особенно зимой, то в конце концов начинаешь тосковать по черном сюртуке» [Чехов, с. 68] и «Потом увидел ясно он, / Что и в деревне скука та же, / <...> Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень иль верная жена» [Пушкин, с. 27].

Сходным видится мотив гостеприимства. И Алехин, и Онегин захаживают в гости к женщинам, где их встречают с радостью. Ср.: «И оба, муж и жена, старались, чтобы я побольше ел и пил; <...> С ними же вернулся в город и в полночь пил у них чай в тихой, семейной обстановке...» [Чехов, с. 69] и «Простая, русская семья, / К гостям усердие большое, / Варенье. Вечный разговор / Про дождь, про лен, про скотный двор» [Пушкин, с. 48]. Женщины влюбляются в своих гостей и ждут новой встречи. Ср.: «Почему-то часто в течение лета вы приходили мне на память, и сегодня, когда я собиралась в театр, мне казалось, что я вас увижу. <...> и она сама признавалась мне, что еще с утра у нее было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приеду» [Чехов, с. 72] и «Когда б надежду я имела / Хоть редко, хоть в неделю раз / В деревне нашей видеть вас» [Пушкин, с. 61].

Чехов «мифологизирует» не только сюжетную линию Онегин — Татьяна, но и весь роман. Так возникает сходство эпизодов свиданий Анны Сергеевны с Алехиными Ольги с Ленским. Ср.: «Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга...» [Чехов, с. 73] и «Он вечно с ней. В ее покое / Они сидят в потемках двое; / Они в саду, рука с рукой, / Гуляют утренней порой / И что ж? Любовью упоенный, / В смятенье нежного стыда, / Он только смеет иногда, / Улыбкой Ольги ободренный, / Развитым локоном играть / Иль край одежды целовать» [Пушкин, с. 75].

В чеховском рассказе нашла отражение проблема замужества не по любви. Мать Татьяны, помолвленная за Ларина, втайне вздыхала о другом: «Рвалась и плакала сначала, / С супругом чуть не развелась; / Потом хозяйством занялась, / Привыкла и довольна стала./ Привычка свыше нам дана: / Замена счастью она» [Пушкин, с. 43]. В рассказе «О любви» Чехов напишет следующее: «Я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходит за неинтересного человека, почти за старика (ему было больше 40 лет),

имеет от него детей <...> старался понять, почему она встретила именно ему, а не мне...» [Чехов, с. 71].

Героини отвечают им холодностью на неспособность переступить черту в отношениях. Ср.: «Мы молчали и всё молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; <...> Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно: — Поздравляю вас. Если, идя с ней в театр, я забывал взять бинокль, то потом она говорила: — Я так и знала, что вы забудете» [Чехов, с. 73] и «Она его не замечает, / Как он ни бейся, хоть умри. / Свободно дома принимает, / В гостях с ним молвит слова три...» [Пушкин, с. 154].

В произведениях Пушкина и Чехова возникают схожие ситуации, когда главный герой слишком поздно осознает, что любит героиню. Ср.: «...я признался ей в своей любви, и со жгучей болью в сердце я понял, как ненужно, мелко и как обманчиво было все то, что нам мешало любить. Я понял, что когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви нужно исходить от высшего, <...> или не нужно рассуждать вовсе» [Чехов, с. 74] и «Случайно вас когда-то встретя, / В вас искру нежности заметя, / Я ей поверить не посмел: / Привычке милой не дал ходу; / Свою постылую свободу / Я потерять не захотел» [Пушкин, с. 155].

Ситуация статичности героев — еще одна черта, которая позволяет предположить, что в рассказе Чехова присутствует «онегинский миф». Ср.: «Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда. Поезд уже шел. Я сел в соседнем купе, — оно было пусто, — и до первой станции сидел тут и плакал» [Чехов, с. 74] и «Она ушла. Стоит Евгений, / Как будто громом поражен. / В какую бурю ощущений / Теперь он сердцем погружен!» [Пушкин, с. 162].

Оба автора акцентируют внимание на том, что их герои расстаются навсегда. Пушкин выносит это в эпиграф к 8 главе, а Чехов пишет в одном из последних абзацев: «Fare thee well, and if for ever / Still for ever fare thee well. Вурон.» (Прощай, и если мы расстаемся навсегда, то навсегда прощай. Байрон.) [Пушкин, с. 142] и «Я поцеловал в последний раз, пожал руку, и мы расстались — навсегда» [Чехов, с. 74].

Таким образом, мы видим, что Чехов «мифологизирует» роман «Евгений Онегин», который находит отражение в рассказе «О любви». Автор будто выворачивает основные данности этого «мифа», применяя его к современной (для него) жизненной ситуации. Чехов переносит пушкинские мотивы в другую художественную плоскость, принципиально прозаическую.

Ситуация, когда люди становятся одиноки и отчуждены друг от друга, роднит рассказ Чехова и роман Пушкина. Их герои заведомо обречены на несчастливые отношения. Их чувства выступают как возможность, предоставленная судьбой, которой не суждено осуществиться. Семантическую основу обоих произведений можно прочитать как несовершенное событие, несостоявшееся счастье. Чехов заимствует не только пушкинские мотивы, но и сюжетные ходы.

Кроме того, в обоих произведениях нет категоричности и завершенности. Еще Ю. М. Лотман отметил, что «выносить приговор противоречило поэтике Пушкина» [Лотман, 1995, с. 196]. «Приговор» не является художественной чертой Чехова. Жизненная философия писателя такова, что он предпочитает ставить вопросы, а не давать на них ответы в своих произведениях. Так, он писал 27 октября 1888 г. в письме к А. С. Суворину: «Вы смешиваете два понятия: *решение вопроса* и *правильная постановка вопроса*. Только второе обязательно для художника <...> в «Онегине» не решен ни один вопрос, но <...> все вопросы поставлены правильно» [Чехов, 1976, с. 46; курсив Чехова].

Чехов подключается к «онегинскому мифу». Определить природу литературного контакта Чехова и Пушкина невозможно, но в рамках данной гипотезы можно сказать, что писатель сознательно возвращается к онегинской ситуации. Он испытывает его на другом жизненном материале и на другом типе героя. Его герой менее решителен, нежели Евгений. Он до последнего мучает Анну Алексеевну. И только тогда, когда понимает, что может потерять её навсегда, решает признаться ей в своих чувствах.

Выбор чеховской героини обретает символическое значение в рамках «онегинского мифа». Трактовки Белинского и Достоевского являются частью этого мифа. Текст «Евгения Онегина» прочно обосновывается в массовом сознании, и произведение начинает восприниматься не изолированно от его интерпретаций, а в его контексте.

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский, 1955 — Белинский В. Г. Статья девятая. «Евгений Онегин» (окончание) // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М., 1953–1959. Т. 7. С. 473–504.
- Достоевский, 1984 — Достоевский Ф. М. Пушкин. (Очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990. Т. 26. С. 136–149.

- Кошелев, 1998 — *Кошелев В. А.* Онегинский «миф» в прозе Чехова // Чеховиана: Чехов и Пушкин. М., 1998. С. 147–154.
- Лотман, 1995 — *Лотман Ю. М.* Пушкин: Очерк творчества // *Лотман Ю. М.* Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. С. 187–211.
- Пушкин, 1978 — *Пушкин А. С.* Евгений Онегин: Роман в стихах // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 5. С. 5–184.
- Чехов, 1977 — *Чехов А. П.* О любви // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Сочинения: в 18 т. М., 1974–1982. Т. 10. С. 66–74.
- Чехов, 1976 — Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 27 октября 1888 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т. Письма: в 12 т. М., 1974–1983. Т. 3. С. 46.